*Литературное объединение «**Слово**»,*
г. Болотное Новосибирской области

Владимир Сакадынский

(18.08.51–17.08.2016)

***

Засентябрило. В ветках тополей
Холодный ветер лист последний ищет,
В такие дни тревожней и светлей
Живёт душа, возвышенно и чище.
В траве – хрустальный иней поутру,
Всё крепче жмётся кот к горячей печи,
Горят, горят багрянцем на ветру
В саду рябин негаснущие свечи.
Выходит, значит, так тому и быть –
Вновь опоздал и не сумел дознаться,
Как у природы научиться жить –
И увядать, и снова возрождаться.

Воробей

Короче дни, а ночи всё длинней,
Усталый дождь вторые сутки мочит.
На клёне за окошком воробей –
Нахохленный, озябнувший комочек.

И холодно, и голодно ему,
Однако на житьё-бытьё не ропщет,
Сыновью верность дому своему
Не променял на пальмовые рощи.

Не улетел в заморские края
По следу развесёлых певчих птичек.
Я поднимаю тост: «За воробья!»,
Чтоб он и дальше не менял привычек.

Когда зима, метелью закружив,
Всему живому «выдаст на орехи»,
Одно лишь воробьиное «жив-жив»,
Как маячок, сигналит у застрехи.

Он с песенкой нехитрою своей
Бросается на зиму в рукопашный,
Да здравствует, мой серый воробей,
Родного края патриот бесстрашный!

На заброшенном погосте

Вокруг – пустырь, и вольный ветер свищет…
Упавший, догнивающий плетень…
В тени берёз задумалось кладбище –
Печальный символ бывших деревень.
Тут тишина, и тлен, и беспорядок,
Да злым дождём чернёные кресты,
Лишь алый бисер земляничных ягод
Из прошлогодней тянется листвы.
Бреду среди обваленных могилок,
Одеждою цепляясь за бурьян,
Немало здесь Россия схоронила
Своих неразговорчивых крестьян.
Они ушли дорогой неминучей
От очагов, от пашни, от двора,
Безгрешно веря – завтра будет лучше,
Светлее и добрее, чем вчера.
Над прахом их пристыжено молчу я.
О том ли вольный пращур наш мечтал,
Когда, под пашню дикий лес корчуя,
Столетние коренья выжигал?
Он ставил дом и высевал пшеницу,
И через речки наводил мосты,
И всё не мог до смерти надивиться
На чудо окружавшей красоты.
Мужали дети, подрастали внуки,
И время, будто реченька, текло.
Крестьянские натруженные руки
Лелеяли и холили село.
Здесь пели песни, торговали хлебом,
Ходили в церковь, обычаи блюли,

Любили лес, и полюшко, и небо,
И счастье про запас не берегли.
Да что там, полно, огляди округу
Гражданским взглядом, не забавы для –
Стоят, по-вдовьи заломивши руки,
На брошенных усадьбах тополя.
Забытые повысохли колодцы,
Скукожились в осинниках поля.
Знать, долго шла без компаса и лоций
По ветру всеничейная земля.
И некуда от этого деваться,
Завещанная людям на века,
Апофеозом всех мелиораций
Зловоньем дышит бывшая река.
Над нею с сытым карканьем глумливым
Зловещее кружится вороньё.
Кого ж ты ненароком прогневило,
Негромкое отечество моё?
Куда ушла твоя былая сила?
В чём заключилась тяжкая вина?
Молчат кресты, молчат сыры могилы,
Молчит на них горючая трава.
А на душе всё тягостней и горше…
В высоком небе, в солнечном дыму,
Как страж кладбища, ходит пёстрый коршун.
Бесстрастно равнодушный ко всему.